

К 85-летию ЕАО. Города построены из судеб

Продолжая разговор, начатый в газете «Биробиджанер штерн» в статье «Что в имени тебе моем?», хранитель музея иудаики при Биробиджанском общинном центре «Фрейд» Борис Голубь предлагает и далее поразмышлять о месте и значении географических названий еврейского происхождения для территории нашей области, о том, как и в каком виде увековечена в нас память о самых первых еврейских первопоселенцах.

В основу моих размышлений положены материалы Областного Государственного архива, информация, почерпнутая в книгах Давида Вайсермана «Как это было?» и «Биробиджан: мечты и трагедия», Виктора Помилуйко «Мой город на Бире – единственный в судьбе», Галины Романовой «Образование души», Ефима Кудиша «Литературное наследие Еврейской автономной области», и многие другие аргументы и факты, накопленные за более чем сорокалетний период моего личного изучения истории и географии нашей области.

Задача исследователя во многом состоит и в том, чтобы иметь смелость поставить знак вопроса даже тогда, когда, казалось бы, всем и все хорошо известно, ясно и очевидно и никаких сомнений ни у кого не вызывает.

Вот и возникает у меня вопрос: а какие еще названия кроме хорошо нам известных – Бирофельд, Валдгейм, Амурзет, Найфельд, Опытное Поле и Соцгородок – связаны именно с еврейской тематикой? Уже сам поиск ответа на этот вопрос открывает перед нами удивительные картины борьбы и героизма людей того времени.

Для более полного понимания всей сложности и многогранности этого вопроса нам необходимо взглянуть на эту проблему и несколько с другой стороны. А именно: как отразились еврейские названия в именах собственных коммун, товариществ, артелей, колхозов и совхозов?

Ведь хорошо известно, что и КомЗЕТ, и ОЗЕТ с самого начала своей деятельности в Биробиджанском переселенческом районе ориентировались, прежде всего, на объединение переселенцев-единоличников в производственные сельскохозяйственные коллективы. Именно таким образом реализуя на практике вековую мечту еврейского народа своими руками и на своей земле построить пусть и небольшое, но все же свое государственное образование.

В Областном Государственном архиве сохранились списки еврейских переселенческих коллективов Бирско-Биджанского района, коим необходимо было произвести распашку целины на 1 октября 1928 года, подписанные заведующим крестьянским отделом ОЗЕТа.

В этом списке наряду с уже хорошо нам известными коммунами «Икор», «Эмес» и «Победа» мы читаем такие названия, как коммуна «Ройте Фон», «Най Лебн», «Красный Штерн», «Жлобин-Одесса», коммуна «Ким», «Най Вег», «Дер Штерн», «Най Казань», товарищество «Герш Леккерт», артели сапожников, портных, кожевенников, шорников и многие другие малоизвестные сегодня названия. Только в этом списке числилось двадцать девять наименований коллективов, которым предстояло распашать около 742 гектаров залежных земель, и это без учета по крайней мере еще пятнадцати русских переселенческих поселков, взявшихся распашать более 750 га земли.

Это потом будут созданы переселенческие колхозы «Бирофельд» и «Валдгейм», «Красный Октябрь» и «Соцгородок», о чем уже говорилось выше. Это к ним в 1933-м присоединятся еще два – «Ленинфельд» и «Красная Сопка». Таким образом, к концу 1934 года, еще до образования Еврейской автономной области, в сельском хозяйстве национального района было уже создано около 56 колхозов, 3 совхоза и 4 машинно-тракторных станции.

В связи с этим обстоятельством у нас возникает некоторая сложность с определением их национальной принадлежности только по названию того или иного коллектива. Ведь понятно, что процесс социально-хозяйственного обустройства территории нашей области носил довольно сложный характер. С одной стороны, он, конечно же, привносил на эту землю топонимы, отождествляющие собой торжество советской власти, а с другой стороны, и это тоже несомненно, – топонимии сугубо еврейского происхождения. Сегодня нам, современным жителям ЕАО, только по архивным данным можно установить тот факт, что, например, колхоз «имени Карла Либкнехта» был по составу тружеников сугубо корейским, а тот же колхоз «Красная Сопка» – еврейским, колхозы «имени Сталина», «Новая Жизнь» и «имени Буденного» – русские, а например, «Тихоокеанский Октябрь» – украинским. И тем не менее можно с определенной долей уверенности говорить, что к 1934 году из достаточно многочисленных коллективных хозяйств шесть было точно еврейскими переселенческими: «Бирофельд», «Валдгейм», «Соцгородок», «Красный Октябрь», «Ленинфельд» и «Биракан».

На мой взгляд, особо важным и интересным моментом данной работы является попытка освещения вопроса в контексте вклада евреев-первостроителей в рождение и становление промышленной индустрии нашей области. Сделать это было весьма непросто, ибо, во-первых, создание крупных промышленных предприятий – это всегда был и есть труд десятков, сотен, а порою и тысяч людей, объединенных одной общей задачей, следовательно, подходить к этому вопросу с позиции только сугубо узконациональной было бы, наверное, несколько наивным и неправильным. Во-вторых, определить «пальму первенства» только одной национальной группы людей, взявшихся за это сложное дело, судя по названию данного предприятия, представляется нам крайне сложным, так как в названиях этих объектов, как правило, отражается, скорее, их промышленная специализация, а не национальная принадлежность. И тем не менее мы делаем попытку именно такого рода исследования с целью более полного изучения этого вопроса, учитывая при этом и тот факт, что к лету 1927 года (по данным того же КомЗЕТа) на участке железной дороги от ст. Покровка до ст. Облучье насчитывалось всего-то 32 кустаря-одиночки.

Буквально с первых дней своего пребывания на этой земле переселенцы начали образовывать свои промышленные артели. Некоторые из них впоследствии и явятся основой современной крупной промышленной индустрии нашей области.

Одной из таких первых и было маленькое кустарное предприятие, специализировавшееся на выпуске венских стульев. Нам ныне уже известно, что ее основали мебельщики из маленького украинского местечка Малина Киевской области. К 1 мая 1930 года это

предприятие приступило к поточному производству своей продукции и получило широкую известность в регионе под названием артель «Биробиджанский стул». На 1931 год данное предприятие объединяло в своих рядах более ста человек (99 евреев, 11 русских, 7 украинцев и 3 корейца). Оно выпускало свою продукцию (в количестве до 600 дюжин или 7200 штук стульев в месяц) не только для нужд всего Дальневосточного края, но и на экспорт в Китай. Вот, видимо, откуда и идут наши современные внешнеэкономические связи с Китайской Народной Республикой.

Недалеко от «Биробиджанского стула» размещалась еще одна артель – «Механизированный мебельщик», которая тоже специализировалась на производстве канцелярской и массовой мебели. Известно, что и среди членов этой артели имелось немало переселенцев-евреев, прибывших из Литвы и Америки. Именно в этот период (начало 1930-х годов) на территории нашей будущей области возникли промартели «им. Димитрова» и «Деревоширпотреб», также специализировавшиеся на выпуске мебели, и «Ширпотреб», изготавливавший хлопчатобумажные костюмы, ватники и одеяла. Телеги и сани производила артель «Металлист». Была и артель с громким названием «Колесо Революции», изготавливавшая хода для саней и телег, объединявшая в своих рядах более шестидесяти человек, главным образом кузнецов. Заработали фанерный завод и «Пищепром».

Достаточно показательным является тот факт, что на 1 января 1932 года «кооперативная масса» работников рабочего поселка Биробиджан распределялась по национальному составу следующим образом: евреи – 310 человек (или 60.2% от общего их количества); русские – 97 человек (или 19.4%); корейцы – 57 человек (или 11.4%); другие (китайцы, белорусы) – 6 человек (или 1.2%).

Но и за пределами Биробиджана еврейские переселенцы открывали рабочие артели. Так, еще в 1930 году на базе пос. Лондоко открылась артель по добыче и обжигу извести. Работало в ней до восьмидесяти человек, в основном переселенцы из Витебска, и уже к 1931 году данное предприятие становится вторым на Дальнем Востоке по производству извести, доведя его производство до 120 тыс. тонн в год.

В пяти километрах от станции «Биракан» летом 1930 года ОЗЕТОМ был сооружен первый скипидарно-смолокурный завод, а в самом Биракане трудились артели «Смолокур», «Красный клещевик» (бондарное производство) и «Первое Мая» (обжиг извести).

Между станциями Лондоко и Биракан в то время были обнаружены крупные промышленные запасы мраморного известняка, к разработке которых в 1931 году и приступили одновременно три артели. Они вскоре создали свое объединение, известное нам ныне под названием «Известковый завод». Немало евреев-переселенцев получило на этом заводе специальности мастеров по добыче известняка и выжиганию извести.

Даже если принять во внимание некоторую неточность статистики того времени, то и тогда несомненным будет то, что именно в 1928 – 1932 годах промышленность Биробиджанского национального района сделала гигантский рывок в своем развитии. И в этом тоже есть, несомненно, большая заслуга тех скромных и простых людей, чьими собственно руками и возводились все эти заводы, фабрики и мастерские.

Не стараясь замалчивать или преуменьшать вклад в эту поистине грандиозную работу людей самых различных национальностей, нам все же хотелось бы отметить особый вклад именно переселенцев-евреев. «Людей воздуха», в переселенческих билетах которых до приезда в Биробиджан зачастую значилось – чернорабочий, грузчик (биндюжник), домохозяйка или извозчик. Именно здесь, в Биробиджане, они получили свои путевки в

новую жизнь и стали трактористами, водителями автомобилей, железнодорожниками, агрономами, инженерами и педагогами.

И именно поэтому этой земле суждено было стать той территорией, которую мы все ныне знаем как Еврейская автономная область.

Борис Голубь, хранитель музея иудаики при синагоге «Бейт Менахем»

г. Биробиджана